

Дмитрий Смолен, для «Новых Известий»

Когда слово «арт» было иностранным...

«Картины и жизнь» Макса Бирштейна
в Музее современного искусства

Макс Бирштейн. *Иллюзионист. 1985 г.*

Выставку на Петровке приурочили ко дню рождения художника – первому, отмечаемому без него. До недавнего времени, несмотря на почтеннейший возраст, Макс Бирштейн был обязательной приметой столичной художественной жизни, а его работы присутствовали во множестве экспозиций. Творческое долголетие потрясало, как и неумное жизнелюбие. Взять хотя бы путешествия по миру с этюдником на плече, совершенные на девятом десятке...

Страсть к дороге – едва ли не главная линия на выставке: перед нами то Нотр-Дам, то Пикадилли, то чукотское стойбище, то гвинейская деревня. Другое пристрастие – обнаженная натура. Показанные акварельно-тушевые ню могут дать лишь некоторое представление о манере работы, но никак не о масштабе: листы с обнаженными исчисляются сотнями. Не забыта любовь к коллекционированию: в витринах размещены керамические и фарфоровые кошки-копилки из фирменного собрания, тоже очень небольшая часть того, что заполняло полки и подоконники мастерской на Масловке. А еще портреты и натюрморты, когда-то вызывающе броские и декоративные, сегодня едва ли не реакционные. Не хочется впадать в традиционный для таких случаев пафос и твердить про то, что Макс Бирштейн был «связующим звеном» и «носителем подлинной живописной культуры», хотя это правда. Недавняя эпоха очень резко,

за считанные годы, отделилась от сознания большинства сегодняшней публики – как будто бинокль перевернули, и уже не удивит, если кто-нибудь из юных зрителей наградит творчество Бирштейна званием «соцреализма». Поди объясни, почему такие люди, как Бирштейн или его учителя Грабарь, Фальк, Осмеркин, пытались сосуществовать в одном пространстве с официозными монстрами. Как и то, почему мирный натюрморт объявлялся вместилищем формализма, а чинные портретисты пользовались репутацией «левых». Но во всяком случае на бирштейновскую выставку стоит посмотреть непредвзято, просто как на подборку картин и рисунков.

Студенческий пейзажик 1938 года соседствует с пейзажем-2000. Воплощенная история советского искусства, если под советским понимать лишь место и время, а под искусством – именно искусство. Карьера Бирштейна не была отмечена высокими званиями и правительственными наградами, но устроилась вполне благополучно. Из гедонистов не получают подпольщики, зато хорошие живописцы – довольно часто. Еще Макс Бирштейн тратил когда-то много сил и времени, выводя «в свет» начинающих, которые теперь академики и лауреаты. Надо полагать, вернисажные комплименты бирштейновской живописи имели столь же искреннее происхождение, что и похвалы его человеческим качествам.